

НАСЛЕДНИКИ НОЧИ И СОЛНЦА

ЯРОСЛАВА САНЛИФ

СЕРЕБРЯНОЕ МОРЕ

Ярослава Санлиф
Серебряное море

«Автор»

2026

Санлиф Я.

Серебряное море / Я. Санлиф — «Автор», 2026

«Серебряное море» — вторая книга цикла «Наследники Ночи и Солнца». Кара была уверена, что после первого поцелуя они с Елисеем наконец могут быть вместе. Но он оставляет ей одно сообщение: «Мне нужно время» — и исчезает. В Адлер Кара отправляется вместе с Лизой — развеяться и отпраздновать свадьбу подруги. Следом приезжает лунный маг Максим. Он не скрывает своих желаний, не требует обещаний и предлагает Каре провести беззаботное лето. И чем дольше молчит Елисей, тем труднее относиться к Максиму как к другу. Но спокойного отдыха не получается. Старейшину ночного конклава находят мёртвой на сухой террасе отеля — с морской водой в лёгких. Следы убийства ведут к заброшенному санаторию и таинственной книге, которую убийца пытается уничтожить. Каре предстоит раскрыть убийство, прежде чем море потребует новую жертву, и разобраться в своих чувствах: продолжать ждать Елисея или позволить себе быть с Максимом.

© Санлиф Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. К морю!	5
Глава 2. Арбуз в подарок	13
Глава 3. Маленькие нарушения	23
Глава 4. Сувенир на щиколотке	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Серебряное море

Глава 1. К морю!

Золотая босоножка лежала у Кары на подушке, когда поезд дёрнуло на очередной станции.

Кара открыла глаза и некоторое время смотрела на тонкий каблук в трёх сантиметрах от своего носа. Потом перевела взгляд на Лизу.

Лиза сидела на соседней полке среди содержимого двух чемоданов. На коленях у неё лежал зелёный купальник, на плече висела зарядка, а в зубах был зажат гостиничный ваучер. Под столиком теснились три пары обуви, пакет с персиками и платье, которое вчера ещё находилось в чехле.

— Доброе утро, — сказала Лиза сквозь ваучер.

— Почему у меня в постели туфля?

Лиза вынула бумагу изо рта.

— Босоножка. И она твоя.

— У меня нет золотых босоножек.

— Теперь есть.

— Лиза.

— Не начинай. Мы через час приезжаем, а ты упаковала персики рядом с документами!

Кара села. Простыня прилипла к спине: кондиционер ночью барахлил и работал из рук вон плохо. За шторками уже было светло, но потолок купе всё ещё сохранял остатки темноты.

— Я заботилась о нашем пропитании, — сказала она. — Жаль, что забыла о них.

— Я по запаху их нашла.

Пакет под столом выглядел изрядно помятым. Один персик лопнул и оставил на бумаге тёмное влажное пятно.

Кара спустила ноги. На полу нашлось свободное место размером с одну ступню. Вторую пришлось поставить на Лизину косметичку.

— Только не туда!

— Поздно.

— Там стекло. И ты не хочешь знать, сколько стоит флакон.

— Зачем ты везёшь к морю дорогие флаконы?

— Других у меня нет, что поделать.

Лиза толкнулась в неё коленом и сунула в руки пакет.

— Ешь. С собой не повезём.

Они по очереди откусывали персики над пакетом, пока сок стекал по пальцам. Поезд снова тронулся. В коридоре хлопнула дверь, кто-то сонно спросил, скоро ли Сочи, ребёнок за стеной сообщил всему вагону, что море уже видно. Ему не поверили.

Кара тоже не поверила. До моря оставался ещё целый час, а важные вещи не появлялись по первому требованию. Некоторые вообще писали «мне нужно время» и исчезали.

Она потянулась за салфеткой. Лиза раньше успела вытереть пальцы о гостиничный ваучер.

— Прекрасно, — сказала Кара. — Нас поселят по персиковому пятну.

— Ты же знаешь, что распечатка — формальность? Достаточно моей фамилии.

— Ещё хуже.

Лиза фыркнула и подняла с пола прозрачную папку. Сквозь пластик были видны герб Лунной академии и первая строка: «Карине Воронцовой, конвергенту...» Дальше шли слова о зачислении без экзаменов, особом порядке обучения и явке в Петербург к началу сентября.

Кара забрала папку быстрее, чем требовала защита от персиков.

— Она лежала рядом с персиками, — сказала Лиза обвиняющим тоном.

— Значит, она тоже получила первый практический курс.

— По чему?

— По выживанию среди людей, которые распаковывают чужие чемоданы.

Кара открыла свою сумку. Сверху лежал браслет, который она сняла перед сном. Он соскользнул на запястье и на миг открыл метку: тонкие серебряные и золотые линии сходились в сумеречном переплетении, спокойном и почти бесцветном в утреннем свете.

Лиза посмотрела. Не испуганно и не с тем вниманием, с каким в Доме Солнца на Кару смотрели врачи. Просто проверила.

— Нормально?

— Нормально.

— Не тянет?

— Только в Петербург. Но это, кажется, повлиял вид документов.

Кара надела браслет, задвинула папку на дно сумки и сверху положила два купальника: красный и чёрный. Академии, смешанному дару и людям, которые называли её природным конвергентом, предстояло подождать до осени. Сегодня у неё были более серьёзные задачи. Например, доказать, что золотая босоножка принадлежит Лизе.

— Ты расписание посмотрела? — спросила Лиза.

— Нет.

— Список общежитий?

— Нет.

— Письмо куратору написала?

— Я вижу, Дом Солнца подготовил тебя к отпуску.

Лиза отложила футболку.

— Я не проверяю. Я интересуюсь.

— Список из трёх вопросов называется проверкой.

— Хорошо. Тогда один. Ты рада?

Кара посмотрела на сумку. Папки не было видно, только свёрнутые купальники и зарядка.

В Лунной академии ей обещали отдельную программу, дополнительные обследования и людей, которые «умеют работать с редкими случаями». Последнее звучало так, словно в Петербурге ей уже приготовили место в стеклянном шкафу кунсткамеры.

Но там были набережные, старые аудитории, Луна без солнечной бюрократии и город, в котором никто не знал школьную Кару. Иногда этого хватало, чтобы захотеть сентября. Иногда хотелось потерять папку пакетом мятых персиков и не найти до следующего лета.

— Я рада, что поеду туда, — сказала она.

Лиза подождала.

— Это не то же самое, — добавила Кара.

— Знаю.

Она вернулась к футболкам. Не стала выяснять, чему именно Кара не рада.

— Посмотри на размер, — сказала Кара.

— Я посмотрела.

— И?

— У нас одинаковый.

Это было приятно. Они могут меняться нарядами.

Телефон Лизы зазвонил. Она зашарила по заваленному вещами столику, извлекла аппарат и сразу сбросила вызов.

— Трансфер, — сказала она. — Я им перезвоню, когда ты перестанешь сидеть на моём белье.

Кара посмотрела вниз.

— Оно само туда пришло.

— Конечно. Всё в этом купе само, кроме меня.

— Ты здесь стихийное бедствие.

— Зато организованное.

Это было правдой. Отпуск придумала Лиза, отель выбрала Лиза, билеты купила Лиза, а потом ещё неделю убеждала Кару, что семнадцать лет без моря — достаточное основание воспользоваться деньгами семьи Ланских без нравственных страданий.

Кара страдала ровно до того момента, когда увидела фотографии номера.

Потом решила, что нравственность выдержит.

Телефон Кары коротко завибрировал.

Марина прислала видео.

На экране была кухня Дома Солнца. Касик занимал круглую собачью лежанку целиком, хотя весил меньше половины одного корги. Он спал на спине, раскинув лапы. Корги сидели по сторонам и смотрели на захватчика с одинаковым выражением потрясённой вежливости.

— Они всё ещё не выгнали его? — Лиза перегнулась через плечо Кары.

За кадром голос Марины сказал:

— Леденец, не надо.

Левый корги попытался подвинуть миску носом. От пальцев Марины протянулась тонкая золотая нить, обхватила край и удержала миску на плитке. Корги вздохнул и лёг, не переставая следить за Касиком.

Касик во сне вытянулся ещё длиннее.

— Это террор, — сказала Лиза. — И Марина ему помогает.

— Марина поддерживает установленный порядок.

— Какой?

— Установленный котиком.

Кара записала короткое голосовое: «Не отдавайте ему мою комнату. Вернусь и проверю». В конце хотела добавить, что они скоро увидят море, но стёрла. Касика морем было не впечатлить. Он однажды упал в ванну и с тех пор считал воду личным оскорблением.

Под чатом с Мариной висел другой чат, ранее закреплённый, а теперь нет.

Елисей: «Мне нужно время».

Ни даты. Ни вопроса. Ни следующего сообщения.

Кара заблокировала экран.

— Можешь не секретничать, — сказала Лиза, не глядя на неё. Она уже складывала футболки в тугой валик. — Не собираюсь подглядывать.

— Ничего нового.

— Тем более.

— Убедительная логика.

— Семейная.

Лиза затянула ремни чемодана и села сверху. Молния не сходилась.

— Не поможет, — сказала Кара.

— Помоги ты.

— Моральной поддержки тебе не хватит?

Они навалились на крышку вдвоём. В коридоре кто-то снова закричал про море. Чемодан наконец закрылся, прикусив край белой юбки.

Лиза посмотрела на торчащую ткань.

— Так даже наряднее.

— Можно привязать золотую босоножку.

— Не трогай мою босоножку.

Кара медленно подняла голову.

Лиза замерла.

— Я знала, — сказала Кара.

— Это ничего не доказывает.

— Признание записано.

— В суде не примут. Я ела персик и находилась под давлением.

Телефон Лизы зазвонил снова. На этот раз она ответила и сразу изменилась: расправила плечи, убрала с голоса смех.

— Доброе утро. Да, Ланская. Мы прибываем по расписанию... Да, две гости. Один общий номер.

Она слушала, глядя на зажатую в молнии юбку.

— Отдельную бронь на Елисея Ланского отмените, пожалуйста. Нет, не переносите. Именно отмените.

Кара занялась босоножкой. Ремешок был тонкий, золотой, совершенно бессмысленный. Она положила её в свою сумку.

— Да, он не приедет, — продолжила Лиза. — Нет, связываться с ним не нужно. Спасибо. Она отключилась.

— Можно было не отменять, — сказала Кара. — Вдруг передумает?

— Тогда сам найдёт, где спать.

— У вас дорогой отель. Там, наверное, принято предупреждать о таких угрозах заранее.

Лиза высвободила юбку из молнии.

— Я не буду переводить с мужского на человеческий.

— Я не просила.

— Ты сейчас положила мою босоножку к себе.

Кара посмотрела в сумку. Потом вынула обувь и поставила рядом с Лизиним чемоданом.

— Ошиблась.

— Конечно.

Лиза не улыбалась. В этом и была проблема: обычно она улыбалась всегда, даже в споре.

— Он мой брат, — сказала она. — Я его люблю. Но если человек целует важного мне человека, потом уезжает и сообщает в письменном виде, что ему нужно время, он может сам объяснить, какое именно. Я не справочная семьи Ланских.

Кара провела ногтем по краю браслета.

Под браслетом ничего не отозвалось.

После ночи в Доме Солнца Кара ещё чувствовала якорь Елисея отдельной золотой нитью. Не мысли и не слова — только его состояние и направление. Нить не тянула к нему и не требовала близости. Просто оставалась внутри её личного пространства, пока Кара позволяла её держать.

Когда пришло «мне нужно время», якорь всё ещё был там. Елисей мог уехать, не отвечать, исчезнуть из чата — и всё равно оставаться этой тёплой нитью внутри неё. Кара просидела до рассвета, а потом положила два пальца на метку и разомкнула связь.

— Может, он не знает.

— Тогда пусть так и напишет.

За стеной застучали колёса соседнего поезда. Несколько секунд разговор приходилось продолжать громче или прекратить. Они прекратили.

Кара помнила кирпич под спиной, тёплую ладонь Елисея на щеке и то, как неловкий первый поцелуй стал вторым. Помнила его смех у её виска. После этого особенно трудно было совместить настоящего Елисея с одной строчкой на экране.

— Он собирался ехать, — сказала она, когда шум ушёл. — Сам говорил про поезд, отель. Спрашивал, сколько брать рубашек.

— Две, — ответила Лиза. — Я сказала две. Он взял бы четыре и одну ещё про запас.

— Потом просто передумал.

— Нет. Сначала уехал к отцу разбираться со старыми документами. Потом позвонил мне и спросил, не будет ли тебе легче без него.

Кара подняла голову.

— Что ты ответила?

— Я уже говорила. Что он идиот.

— Очень содержательно.

— Я не меньше твоего тогда офигела.

Лиза достала из кармашка сумки серьги и вдела одну в мочку уха.

— Я сказала, что спросить надо тебя. Он ответил: «Не хочу ставить её перед ещё одним решением». Красиво, да? Сам решил не ставить тебя перед решением.

Кара потёрла большим пальцем по экрану погасшего телефона, стирая невидимую грязь.

Она могла написать первой. Спросить прямо. Назвать срок вместо него, потребовать ответ. Всё это было возможно и от одной мысли вызывало усталость.

— Я не знаю, что мы теперь, — сказала она.

— Вы целовались. Но ничего друг другу не обещали.

— Очень точный семейный анализ.

— Я не говорю, что ты должна плюнуть и забыть. Ты имеешь право злиться. Но зря принимаешь всё так близко к сердцу.

— Спасибо за разрешение.

— Пожалуйста. Действует до сентября.

Кара хотела пошутить, но не нашла слов. Лиза сидела и смотрела на неё с сочувствующим видом, от которого Каре хотелось кричать.

За окном поплыли низкие дома, дворы с виноградниками, гаражи, бельё на балконах. Свет был уже не утренним, а белым и горячим. Кара отвернулась к окну, хотя смотреть там было пока не на что.

— Я позвала тебя отвлечься, — сказала Лиза за спиной. — Мы обе заслужили право на нормальное лето.

Кара обернулась.

Лиза стояла на коленях перед чемоданом, растрёпанная, в одной серьге и с белой юбкой в руке. Совершенно не похожая на младшую представительницу одного из сильнейших солнечных родов.

— Даже со мной? — спросила Кара.

— Особенно с тобой. С тобой хотя бы можно делить обувь.

— Нельзя.

— Уже поздно.

Кара подняла золотую босоножку и бросила ей. Лиза поймала.

Этого оказалось достаточно.

За десять минут до станции коридор заполнился людьми.

Пожилая женщина из соседнего купе выставила наружу клетку с канарейкой, два пакета и чемодан, который опасно косил при езде. Ребёнок с верхней полки уже надел круг в виде утки. Кто-то нёс по две сумки в руке и буксовал в узком коридоре.

Кара выбралась из купе, чтобы не мешать Лизе закончить сборы. В вагоне пахло металлом, пылью, сладким кофе из пакетика и чужим солнцезащитным кремом.

Поезд шёл между домами.

В просвете мелькнула синяя полоса.

Кара подалась к стеклу, но полосе сразу закрыл серый забор.

— Видела? — спросил мальчик в круге-утке.

Она не ответила, только кивнула.

Море появилось снова через два дома, обманчиво небольшой линией. Оно вклинилось между крышей автомойки и ветками дерева, яркое до боли, и исчезло раньше, чем Кара успела понять масштабы.

Она прижалась лбом к нагревшемуся стеклу.

Следующий просвет оказался пустым. Потом показался двор, потом блеснули рельсы соседней полосы, потом вдруг открылось столько воды, что Кара отступила на полшага.

За семнадцать лет она видела море на экранах, открытках, в старых фильмах и на фотографиях знакомых, которые снимали обязательное селфи на фоне пальм, воды и бесконечного неба. Ни на одной фотографии не было видно, что оно всё время движется, даже издали, отсюда медленно и величаво.

Дома перед ним казались временными. Заборы, крыши, спутниковые тарелки появлялись и закрывали воду, но каждый новый просвет возвращал её на прежнее место — в большем объёме, чем ожидание между окнами.

Кара поймала своё отражение в стекле. Тёмные волосы после сна, след от подушки на щеке, браслет на руке. За отражением шло море, и на миг два изображения поместились в одном окне.

Метка отозвалась двумя спокойными ударами. Холодным и тёплым. Кажется, тело тоже заметило воду и солнце одновременно.

Кара опустила руку. Она не знала, важна ли такая реакция её знака, и вовсе не собиралась превращать первую поездку на море в исследование.

— Кара, ты поддержишь мою сумку? — крикнула Лиза.

Море снова спряталось за домами.

— Нет.

— Пожалуйста?

— Нет.

— Почему?

Кара пропустила вопрос. Она ждала следующего просвета и боялась отвернуться ровно в тот момент, когда вода появится.

Лиза встала рядом, посмотрела в окно и ничего не сказала. Она бесшумно подвезла чемодан, который, конечно же, не косил. Только поставила свою сумку Каре на ногу.

Та подняла её, не отрываясь от стекла.

Пожилая женщина попыталась поднять клетку рукой, занятой сумкой, не выпуская ручку чемодана. Канарейка возмущённо запрыгала, чемодан поехал женщине под ноги.

— Давайте клетку, — сказала Кара, поворачиваясь к ней.

— Укусов не боитесь?

— Эта пичужка кусается?

— Не проверяйте. Держите за ручку и не суйте пальцы в прутья.

Кара взяла клетку. Птичка посмотрела на неё чёрным глазом и ударила клювом по пруту.

— Какая свирепая, — сказала Кара.

— Она не любит дорогу, — сообщила женщина. — Дома поёт, а в поезде только ругается.

— Разумная птица.

— Вы к морю отдыхать?

— Хотелось бы очень.

Женщина посмотрела на Лизины чемоданы.

— Надолго?

— Пока всё это не придётся складывать обратно.

Канарейка снова ударила по пруту. Кара перехватила ручку клетки поудобнее. Из-за неё море теперь приходилось ловить через маленький промежуток между чемоданом и букетом. Каждый новый кусок воды доставался труднее и поэтому казался ярче.

Лиза протянула ей бутылку.

— Выпей. Ты дышать перестала.

— Неправда.

— Я считала.

Кара отпила, не отрывая взгляда от окна. Вода была тёплой и пахла вагоном.

— Ну как? — спросила Лиза.

— Много воды.

— Глубокая мысль.

— Других пока нет.

Лиза улыбнулась. Она не достала телефон и не попыталась снять Кару на фоне первого моря. За это Кара была ей благодарна сильнее, чем собиралась признать.

Поезд замедлился. За стеклом потянулись платформы, белые опоры, зазмеились соседние рельсы. Море исчезло окончательно, но Кара уже знала, что оно рядом.

На выходе стало тесно. Лиза катила оба чемодана и отказывалась от помощи из принципа. Кара несла сумки и клетку. Канарейка сопровождала каждый толчок коротким проклятием.

На платформе в них ударила жара. Воздух пах железом, пылью и чем-то влажным, чего в Москве не было даже после дождя.

Пока остальные пассажиры искали выход, Кара ещё раз посмотрела на вагон. За тёмным стеклом коридора отражалась платформа. На секунду ей показалось, что синяя полоса моря всё ещё видна внутри, хотя с этой стороны были только рельсы и навес.

Метка молчала. Значит, обычное отражение. Или она наконец научилась не спрашивать силу о каждой вещи.

— Лиза! — закричала девушка в огромной соломенной шляпе.

Она махала обеими руками. Поля шляпы подпрыгивали, закрывая ей лицо. Лиза бросила чемоданы и шагнула к ней, будто они встречались не впервые, а продолжали разговор, начатый пять минут назад в свадебном чате.

— Майя! Ты настоящая!

— Пока да. Никита потерял список гостей.

— Какой?

— Единственный.

Кара вернула клетку хозяйке, подхватила один из брошенных чемоданов и пошла к ним. На дальнем конце платформы стоял мужчина.

Высокий. Тёмная футболка, рюкзак на одном плече. Длинные чёрные волосы были собраны низко, но несколько прядей выбились и лежали на шее. Он стоял не лицом к выходу, а чуть боком, словно уже знал, откуда она появится.

Кара остановилась.

Между ними прошла семья с тремя чемоданами. Потом проводница потянула дверь вагона. Мужчина сделал шаг назад и исчез за потоком людей.

— Кара? — позвала Лиза.

Она обернулась туда, где только что видела длинноволосый силуэт.

Уж не Максим ли привиделся ей?

Глава 2. Арбуз в подарок

Мало ли кто носит тёмные длинные волосы. Не всем из них обязательно быть Максимом.

Кара повторила это себе три раза, пока Майя обнимала Лизу и одновременно говорила кому-то по телефону, что живая лошадь не может считаться «декоративным элементом без права на питание».

На четвёртый раз повторять стало глупо. Платформа пустела. Длинноволосого юноши не было ни у выхода, ни возле киоска, ни среди людей, которые курили под знаком запрета.

— Ты кого-то ищешь? — спросила Майя низким голосом, прикрыв микрофон ладонью.

Кара впервые увидела её лицо целиком: огромная соломенная шляпа больше не прыгала перед глазами. Майя выглядела моложе, чем звучала: округлые щёки, густые тёмные брови и карие глаза. Брови хмурились человеку в телефоне, глаза улыбались Лизе.

— Нет.

— Тогда всё хорошо. Сейчас закончу и буду вся ваша.

Она снова вернулась к звонку.

— Нет, не белую козу. Кобылу. Белую. Да, разница существенная!

Лиза подхватила маленький чемодан и покатила его к выходу.

— Это Майя, — сказала она Каре. — Майя, это Кара. Я вам обеим отправляла фотографии.

— Приятно познакомиться, — улыбнулась Кара.

— Взаимно! Лиза о тебе много рассказывала.

— Надеюсь, только хорошее.

Майя быстро распрощалась с невидимым собеседником, убрала телефон и обернулась к ним, повторяя:

— Никита потерял список гостей.

— Электронный или бумажный? — спросила Лиза.

— Оба. Бумажный лежал в чехле от телефона, телефон он оставил в клубе, а электронный был в телефоне.

— Почему список был в чехле?

— Чтобы не потерять.

Лиза кивнула с уважением к масштабу ошибки.

Кара ещё раз посмотрела назад. На платформе осталась только проводница, которая спорила с мужчиной из-за велосипеда.

Если это был Максим, он умел исчезать не хуже Елисея.

Мысль оказалась неприятной. Кара немедленно решила, что мужчина был чужой.

У выхода толпа уплотнилась. Кондиционированный худо-бедно вагон вспоминался с нежностью, которой не заслуживал. Воздух лип к коже, футболка прилипла к спине, а чемоданное колёсико Лизы нашло единственную трещину на всём пути и застряло.

Майя отдала свою шляпу плачущему ребёнку, которого мать пыталась намазать кремом прямо в очереди. Ребёнок замолчал от удивления. Майя осталась под солнцем и забрала у Кары большой чемодан.

— Я сама.

— Конечно, — сказала Майя и покатила его дальше. — Кондитер требует тень.

— Чью? — спросила Кара.

— Любую, где найдём. По плану торт будет у окна, и он теперь объясняет, что с нашей стороны в июле в Адлере было легкомысленно заказывать торт из таких скоропортящихся ингредиентов.

— А чего там с лошады-то? — спросила Лиза.

— Привезут в последний день. Если к тому времени организаторы выяснят, какой у неё рацион.

Они добрались до машины. Внутри лежали коробки с лентами, два рулона белой ткани и пластиковая голова манекена в фате. Лиза села рядом с головой и сразу спросила, где фотографии платья. Майя протянула ей телефон ещё до того, как завела двигатель.

Через пять минут они спорили о рукавах так, словно это был вопрос жизни и смерти.

Кара устроилась у окна. За стеклом проносились дворы, вывески, пальмы, припаркованные в два ряда машины. Море то появлялось в конце улицы, то исчезало. Теперь она знала, куда смотреть, но всё равно каждый раз замечала его поздно.

Кондиционер работал не на пределе и проигрывал солнцу. От коробок с лентами пахло нагретым картоном. Манекенная голова лежала сзади под стеклом заднего сидения, и встречные водители иногда смотрели на них с тревогой.

— Владельцы гостиницы — твои родные? — спросила Кара.

— Нет, — ответила Майя. — Я там работаю.

— Лиза сказала, ты всё устроила для нас.

— Лиза прислала четырнадцать требований, я нашла номер, который выдержит двенадцать.

— Какие не выдержал?

— Отдельный холодильник для масок и отсутствие солнечных родственников ближе ста метров.

Лиза подняла взгляд от телефона.

— Про родственников я не писала.

— Это было между строк.

Майя затормозила у перехода. На обочине продавали фрукты, купальные принадлежности и букеты в одинаковых пластиковых вёдрах. За домами мелькнула вода, уже ближе. Кара опустила стекло. В машину вошли жара, шум и солёная влажность.

Запах оказался не таким, как она представляла. Не чистая соль. Нагретая дорога, зелень, бензин и только потом отдалённый морской запах.

— Закрой, — попросила Лиза. — У меня волосы будут виться.

— Тебе идёт.

— Ой всё.

Кара оставила щель.

— Кара, — позвала её Лиза спустя минуту. — С рукавами или без?

— Без чего?

— Ты очень полезна.

— Это мой отпускной образ.

Майя засмеялась и резко перестроилась. Манекенная голова стукнула Лизу в плечо.

— Никита считает, что я должна выбрать платье, в котором смогу бегать, — сказала Майя.

— От него?

— По берегу моря во время романтической фотосессии. Но формулировка мне тоже не понравилась.

Кара вспомнила единственную строчку Елисея и отвернулась к окну.

Море снова показалось между белыми корпусами.

«Белый мыс» начинался с ворот, которые открылись перед машиной раньше, чем Майя снизила скорость.

Дорога пошла вверх между тёмными стволами деревьев. Вдоль дороги были высажены стройные и высокие кипарисы. Впереди появились белые стены, стеклянные террасы, вода бассейнов.

У главного входа застрял грузовик. Водитель пытался развернуться между клумбой и каменной стеной; двое сотрудников махали ему в разные стороны. Коробки в кузове были подписаны: «ФРУКТЫ. НЕ КАНТОВАТЬ».

— Это к нам, — сказала Майя. — Я на две минуты.

Она вышла, успела сделать три шага и остановилась.

Её окликнула пожилая женщина в светлом платье. Рядом стояла высокая девушка с короткими неровно остриженными волосами; чуть дальше крупный седой мужчина снимал пиджак, передавая его сотруднику отеля.

— Зинаида Андреевна, — сказала Майя уже другим голосом.

Не услужливым. Более собранным.

Зинаида взяла её за руку.

— Опять без перчаток таскала проволоку?

На ладони Майи тянулась свежая красная царапина.

— Это была лента.

— Лента с характером проволоки.

Зинаида провела пальцами над кожей, не касаясь. Воздух между ладонями стал прохладнее. Кара почувствовала это даже из машины: короткий отклик ночи, похожий на тень от облака, хотя солнце не закрылось. Майя разжала пальцы.

Красная линия осталась, но напряжение ушло из её лица.

— Вечером зайди, — сказала Зинаида. — Я нашла то, о чём говорила.

— Бабушка, — вмешалась девушка. — Мы это уже обсуждали.

— Ия, мы спорили. Это не одно и то же.

— Если они живы, книга не твоя.

Майя бросила быстрый взгляд на машину. Лиза уже открывала дверь. Ия проследила за её взглядом и осеклась, но слово уже прозвучало.

— Не здесь, — сказала Зинаида.

Кара вышла следом за Лизой.

Зинаида повернулась к ним. На её правой руке было большое кольцо. Чёрное стекло казалось мокрым внутри, хотя солнце высушивало всё вокруг за несколько минут.

— Гости Майи, — сказала она. — Значит, вас скоро заставят носить коробки и выбирать цвет салфеток.

— Уже, — ответила Кара.

Лиза вела себя слегка натянуто: вокруг оказались только лунные маги, но представилась первой. Зинаида повторила её имя и посмотрела на Кару. Взгляд задержался у браслета, но вопроса не последовало.

— Карина Воронцова.

— Кара.

— Хорошо. Кара.

— Пожалуйста, познакомьтесь, это старейшина лунного конклава Адлера Зинаида Андреевна, — представила пожилую даму Майя. Та медленно кивнула.

Между тем Ия скрестила руки. По тому, как напряглась её челюсть, разговор не закончился. У него просто появились свидетели.

Седой мужчина стоял достаточно близко, чтобы слышать. Он не вмешался. Забрал у растерянного сотрудника две деревянные колодки, подошёл к грузовику и положил их под задние колёса.

— Михаил, — позвал он водителя по имени. — Руль до конца вправо. Потом назад, медленно. Клубу не жалейте, её восстановят быстрее, чем стену.

Михаил сделал, как сказали. Грузовик вышел из угла с первого раза.

— Савва Корин, — тихо сказала Майя. — Он здесь решает примерно всё, главный распорядитель.

Савва вернул пиджак на плечи, будто не стоял только что под кузовом. На светлом льне не осталось ни пыли, ни тёмного пятна пота.

— Не всё, — сказал он, услышав. — Только то, что требуется. Вы спросите: кто определяет, что же требуется решать? Скромно отвечаю: я.

Он поздоровался с Зинаидой, кивнул Ие и приветливо улыбнулся гостям.

— Добро пожаловать. Майя, кондитеру нашли тень. Северная галерея свободна до вечера.

— Кто вам сказал про кондитера?

— Кондитер.

Майя посмотрела на него так, словно у неё отняли законную привилегию решить проблему.

— Спасибо!

— Ступай разместить гостей. Остальное подождёт.

Савва сказал это мягко. Уже решив, что будет именно так.

Кара узнала интонацию.

— Кондитер не подождёт, — сказала Майя.

— Подождёт в северной галерее.

— А если ему не подойдёт?

— Тогда Олег принесёт вентилятор из конференц-зала.

Сотрудник с бейджем «Олег», проходивший в нескольких метрах, остановился.

— Уже несусь, Савва Маркович.

Майя сжала губы. Савва заметил, но сделал вид, что смотрит на разгруженный грузовик.

Ия, уже спускавшаяся по дорожке, обернулась к Зинаиде:

— Вечером я тоже приду.

— Если захочешь слушать, а не только спорить.

— Бабуля, иногда я тоже бываю правой.

Та не ответила. Большим пальцем провела по оправе кольца. Савва посмотрел на этот жест и тут же отвёл глаза к сотрудникам.

Зинаида поправила перекрученный ремешок на плече Майи и снова велела зайти вечером. Ия отвернулась первой. Когда она проходила мимо Саввы, он посторонился заранее, не вынуждая её просить.

Кольцо Зинаиды на солнце оставалось чёрным.

Номер оказался больше квартиры Кары.

Она не стала говорить это сразу. Прошла через гостиную, открыла первую дверь, обнаружила спальню, вторую дверь, ещё одну спальню, потом ванную с окном во всю стену. За окном было море.

— Где подвох? — спросила Кара.

Лиза уже взяла с блюда абрикос.

— Какой?

— Нас поселили не туда.

— Туда.

— Тогда воду из мини-бара продают вместе с бутылкой и правом наследования.

Кара взяла стеклянную бутылку, повернула этикеткой к себе и не нашла цены.

— Она бесплатная, — сказала Лиза.

— Такой марки? Не может быть.

— Кара, я тебе больше скажу, у нас есть собственный бассейн.

За стеклянной дверью террасы действительно был небольшой бассейн. Вода лежала ровным тёмным прямоугольником, по которому дрожал отсвет лампы на террасе; за ним начинались деревья, а дальше блестело море, окрашенное закатом в оранжевые и красные тона. Из-за отражения казалось, что между бассейном и горизонтом нет стены.

Кара проверила гардеробную. Потом заглянула за дверь второй спальни.

— Что-то ищешь?

— Барабашек.

— Здесь для них дороговато.

В первой спальне кровать была застелена так ровно, что садиться было боязно. Во второй на тумбочке стоял телефон с отдельной кнопкой «консьерж». Кара нажала её из любопытства и мгновенно сбросила, когда в трубке ответили.

Телефон перезвонил.

— Не бери, — крикнула Кара.

Лиза подняла трубку в гостиной.

— Простите, случайно... Нет, ничего не нужно. Хотя лёд. И ещё полотенца. И можно узнать, бассейн точно только наш?

Она выслушала ответ и прикрыла микрофон.

— Только наш.

— Спроси, можно ли им пользоваться людям с недостаточным уровнем мажорства.

Лиза отвернулась от неё.

— Да, два полотенца. Спасибо.

Через минуту в дверь постучали.

На пороге стоял сотрудник с серебряным ведёрком льда, стопкой полотенец и деревянной коробкой, которую торжественно протянул.

— Комплимент при заселении, — объяснил он.

В коробке лежали кофейные капсулы, конфеты в золотых обертках и карточка с предложением выбрать подушку. Кара прочитала список дважды. Подушки делились на гречневые, охлаждающие, анатомические и «для особенно глубокого сна».

— А обычная уже входит в комплект? — спросила она.

Сотрудник не сразу понял вопрос.

— На каждой кровати по четыре. Ещё в шкафу лежат, вдруг вам могут понадобиться.

Кара заглянула в спальню. Четыре подушки действительно лежали одна на другой, занимая почти половину матраса.

— И какая из них обычная?

— В белой наволочке.

Все были белые.

Лиза за её спиной издала звук, который должен был изображать кашель. Сотрудник поставил лёд в мини-бар, пожелал приятного отдыха и ушёл, сохранив лицо до самой двери.

— Ты издеваешься над человеком, который принёс нам лёд, — сказала Лиза.

— Я пытаюсь подготовиться ко сну. Это сложнее, чем казалось.

В дверь снова постучали. Сотрудник отеля вкатил чемоданы, а следом вошла Майя, на ходу убирая телефон в карман. Она дождалась, пока багаж поставят у гардеробной и дверь закроется.

— Всё, — сказала она. — Теперь вы официально заселены. Под торт удалось отвоевать полку одного из ресторанных холодильников, и тень для него тоже найдена. Грузовик не снёс стену и благополучно уехал. Никита всё ещё ищет список, то есть телефон.

Лиза бросила абрикосовую косточку на салфетку и открыла чемодан. Золотая босоножка лежала сверху.

— Предательница, — сказала Кара обуви.

За стеклом мигнул свет. Один из встроенных фонарей загорелся, погас и снова загорелся.

— Он так со вчера, — сказала Майя. — Я попросила Костю зайти. Он обещал, что до свадьбы с электричеством разберётся.

Кара приоткрыла дверь на террасу. Жара мигом обволокла её. В бассейне дрогнуло отражение моря, и на короткий миг показалось, что вода начинается прямо у стеклянного бортика. Она подошла ближе и увидела стену, деревья и нижнюю дорожку. Роскошь тоже требовала правильного угла зрения.

Лиза вышла следом. Майя остановилась у фонаря и несколько раз щёлкнула выключателем. Свет послушно загорелся, но через секунду опять дрогнул.

Они успели обойти бассейн, прежде чем из номера донёсся стук. Майя пошла открывать и вернулась на террасу с мужчиной в рабочей одежде и с объёмной сумкой в руке.

— Костя, это Лиза и Кара, они приехали на свадьбу. Девушки, это Костя, наш электрик, спаситель и незаменимый человек.

Он хмыкнул, поставил сумку на сухую плитку, и, вытерев ладонь о брюки, пожал руку сначала Лизе, потом Каре.

— Константин.

— Лиза.

— Кара.

— Приятно познакомиться, — сказал он.

Майя дождалась, пока они поздороваются, и кивнула на фонарь.

— А это тот самый негодник.

Электрик закатал рукава, щёлкнул выключателем и посмотрел на мигающий свет.

— Включается — уже неплохо, — сказал он. — Пожалуйста, не используйте чайник и фен одновременно.

— В номере за такие деньги электричества должно хватать на криптоферму, — всплеснула руками Кара.

Костя глянул на неё внимательнее.

— На криптоферму, пожалуй, хватит. На фен нет.

Он снял крышку фонаря. Внутри что-то щёлкнуло.

Костя проверил лампу, клеммы и провод. Потом достал из сумки маленький тестер и приложил щупы к контактам.

— Напряжение ровное, — сказал он.

Фонарь мигнул у него над рукой.

— Вы уверены? — спросила Кара.

Костя ещё раз посмотрел на показания.

— Да вроде бы да.

— До свадьбы управитесь тут? — спросила Майя.

— До ужина.

Костя снова склонился над фонарём. Майя осталась рядом с ним, а Кара и Лиза вернулись в прохладу номера.

Кара открыла шкаф у кофемашины. Внутри стояли шесть чашек разных размеров и два стакана без ручек. Рядом лежала инструкция на трёх языках. На русском было написано: Нажмите кнопку приготовления.

Кнопка оказалось пять.

— Сделай мне кофе, — попросила Лиза, уже раскладывая косметику в ванной.

— Если мозгов хватит понять, что тут происходит.

Кара выбрала самую маленькую кнопку. Машина загудела, мигнула всеми огнями и налила горячую воду в поддон, потому что чашку Кара поставить забыла.

Лиза вернулась на звук.

— Получилось?

— Мы узнали, куда она не наливает кофе.

Со второй попытки аппарат выдал половину чашки эспрессо, а вторая стекла по краю чашки, и попросил выкинуть капсулу. Лиза отпила, поморщилась и долила бесплатной воды, существованию которой Кара всё ещё не доверяла.

— За номер с личным бассейном можно было научить её наливать в центр, — сказала Кара.

— Она ждёт чаевых.

— Пусть не тратит всё сразу.

Лиза вернулась к чемодану и вытащила купальники.

— Сначала поплещемся, — сказала она.

Кара взяла свой купальник.

— Конечно, я уж думала, ты не захочешь.

Через две минуты они прыгнули в бассейн, чуть не забрызгав Майю, которая рассматривала внутренности развинченного фонаря.

Вода оказалась холоднее воздуха. Кара вынырнула, отплёвываясь, и увидела Лизу, которая всё ещё пыталась сохранить сухими волосы.

— Даже не думай, — сказала Кара.

— У меня укладка же!

— У тебя отдых.

Лиза отплыла к бортику. Кара рванула за ней. Они подняли столько брызг, что Костя молча убрал раскрытую сумку подальше.

Майя сняла босоножки и села на край бассейна, опустив ноги в воду и не отрываясь от телефона, который у неё звонил без перерыва. Она отвечала короткими рублеными фразами: цветы перенести, торт не трогать и не есть, Никиту отправить обратно в клуб за чехлом. Между звонками успевала подвинуть Каре стакан воды и ногой оттолкнуть от фильтра уплывшую надувную подушку.

— Ты вообще отдыхаешь? — спросила Кара, подтягиваясь на руках и усаживаясь рядом. Отсюда было хорошо видно, как догорал багряный закат.

— После свадьбы отдохну.

— Да конечно, — фыркнула Лиза. — После свадьбы будет большое путешествие, фотографии, в гости ко всем родственникам и разбор подарков.

— Тогда после развода.

— Майя!

— Никита знает мой план.

Она наконец выключила звук и положила телефон экраном вниз. Тишина продержалась четыре секунды. Потом аппарат завибрировал по каменному бортику и едва не упал в воду. Кара поймала.

На экране высветилось имя «Зинаида Андреевна».

— Будешь брать? — спросила Кара.

Майя вытерла руку о шорты и забрала телефон.

— Спасибо.

Она отошла к стеклянной двери. Разговор был коротким. Майя слушала больше, чем говорила, один раз посмотрела вниз, в сторону нижней лестницы, и ответила:

— После девяти приду.

Вернувшись, она снова опустила ноги в воду и пошевелила пальцами ступней.

— Всё нормально? — спросила Лиза.

— Да. Старые записи. Она любит делиться находками.

Телефон Майи снова завибрировал. Она жестаи показала, что звонит кондитер.

— Никита нашёл список, — сообщила она, откладывая телефон.

— Где? — спросила Лиза.

— В морозилке клуба. Спасибо кондитеру, подсказал где искать.

Кара вытерла воду с лица.

— Я не буду спрашивать.

— Правильно. Мы вряд ли узнаем всю правду.

Последние вечерние лучи солнца отражались от стекла их террасы, мокрые волосы липли к плечам, а море за деревьями никуда не исчезало, только успокаивалось и темнело.

Кара впервые поверила, что они действительно приехали.

К морю они спустились после сытного ужина, оставившего впечатление маленького пира.

Кара молча несла босоножки в руке. Лиза тоже шла босиком и каждые десять шагов ныла, что здесь насыпали специальные острые камни, потому что она исколола все ноги.

Ночь пахла арбузами и пихтой, а море простиралось перед ними, тёмное и загадочное. Огни набережной дрожали на глади длинными полосами и ломались на каждой волне.

Кара остановилась у кромки прибоя.

Днём море вспыхивало между домами. Теперь оно занимало всё пространство впереди и продолжалось дальше, чем хватало глаз. Волна дошла до её пальцев ног, невероятно тёплая, и сразу ушла, потянув за собой мелкую гальку.

— Ну? — спросила Лиза.

— Что?

— Как водичка?

Кара вошла по щиколотку. Следующая волна ударила выше и намочила край платья.

— Могло бы быть прохладнее. Как суп.

Лиза ступила следом и сразу отпрыгнула, когда песок ушёл из-под ног, но потом с наслаждением зашла поглубже.

— Ах, как я скучала по морю!

— Думаю, берег в курсе.

— Он выглядит ненадёжно.

Кара прошла глубже. Волна подняла платье, обернула ткань вокруг колен и отступила. Под ногами камни переворачивались, уходили из-под пальцев, проваливались в песок. В бассейне вода казалась прирученной, уложенной в бетонное ложе. Здесь же и вода, и морское дно казались шаткими, зыбкими, а ещё опасными. Волны размеренно шли к берегу, словно дыхание подводного громадного чудовища.

Она наклонилась и коснулась поверхности ладонью. Метка под браслетом осталась спокойной. Ночь в ней знала воду, Солнце — тепло, но море не признало Кару своей и не отвергло. Просто прошло между пальцами.

— Ты опять проверяешь магию? — спросила Лиза.

— Нет.

— Хорошо.

— Почему?

— Потому что я хотела хотя бы один вечер не обсуждать, что ты особенная.

Кара выпрямилась. Лиза смотрела на море, не на неё.

— Я тоже, — сказала Кара.

Они пошли дальше вдоль воды. Разговор сменился спором о том, можно ли считать купание ночью разумным, если в номер выдают халаты. Лиза считала халат доказательством безопасности. Кара — доказательством того, что отель готов к мокрым гостям.

— Это потому, что ты избалована личным бассейном.

Они пошли вдоль воды. За аккуратными лежаками начиналось невысокое ограждение, а дальше пляж становился обычным: без дорожек, ровных рядов и персонала. На большом камне лежала свёрнутая дешёвая циновка.

Хозяина рядом не было.

Кара посмотрела на тёмную дорожку между деревьями. Потом на лестницу, ведущую к нижней террасе отеля. Один фонарь там мигнул и погас.

— Ты опять кого-то ищешь? — спросила Лиза.

— Нет.

На этот раз прозвучало убедительнее.

Они вернулись в номер почти в полночь. До номера они поднимались медленно. Лиза несла шлёпки в руках и жаловалась на гальку; Кара не жаловалась из принципа, хотя ступни болели сильнее. В лифте отражались сразу четыре Кары и четыре Лизы, солёные волосы и мокрые подолы.

— Тебе понравилось? — спросила Лиза.

— Что?

— Море.

Кара прислонилась затылком к зеркалу.

— Оно такое большое. Мне не хватило времени, чтобы понять, что я чувствую.

— Можно начать с нашего пляжа.

— Наш пляж как-то особняком, огорожен.

— Чтобы чужие люди не мешали тебе мрачно смотреть вдаль.

Они вышли из лифта. У дверей их номера ждал первый сюрприз: тележка с закусками. В глаза первыми бросались серебряные крышки и тарелки с клубникой.

— Заказала нам ночной дождь, — сообщила Лиза, вкатывая тележку в номер и закрывая дверь.

— О, я хоть и объелась на ужине, но клубники пожую, — сказала Кара.

— А вот это я не заказывала!

Посреди гостиной их ждал второй сюрприз: прямо на полу лежал арбуз — нелепо обычный на ворсистом ковре.

Арбуз оказался тяжёлым и холодным с одного бока. Кара перекатила его. На зелёной корке шариковой ручкой было написано:

«Полдень. Справа за вашим пафосным пляжем».

Она узнала почерк.

Максим.

Лиза вызвала консьержа. Через минуту в номер пришёл сотрудник с журналом доставок. Он дважды проверил номер.

— Арбуз оставил у стойки курьер, — сказал он. — Оплатил наличными, мы доставили в номер.

— Назвался? — спросила Кара.

— Нет. Сказал, что вы ожидаете.

— Мы не ждали, — сказала Лиза.

Кара провела пальцем по надписи.
Максим знал не только отель.
Он знал номер их комнаты.

Глава 3. Маленькие нарушения

К полудню Кара выяснила о море три вещи.

Галька обжигала быстрее асфальта. Волна всегда отходила в тот момент, когда ты решался войти. Солнцезащитный крем умел попадать в глаза независимо от того, куда его наносили.

— Не три лицо, — велела Лиза.

Кара лежала на спине с закрытыми глазами и тёрла лицо.

— Поздно.

— Я предупреждала.

— Ты сказала «не забудь плечи».

— Это универсальное предупреждение.

Под затылком шуршало сложенное полотенце. Лежак был широким, матрас мягким, над головой колыхался белый край зонта. Справа Майя диктовала голосовые сообщения ведущему, флористу и человеку по имени Аркадий, который отвечал за кобылу, но пока не отвечал Майе.

Слева Лиза листала свадебный чат.

— Нет, золотые ленты слишком солнечные, — сказала она. — Майя, ты лунная. Тебе нужны серебряные.

— Я выхожу замуж, а не приношу присягу.

— Тогда зелёные.

— Никита считает, что белые.

— Никита потерял список гостей в морозилке.

— Это не лишает его чувства цвета.

— Косвенно лишает.

Кара перестала слушать и закрыла глаза.

Вода перекачивала гальку с тяжёлым ровным шумом. Потом стихала, набирала силу и возвращалась. Рядом ребёнок требовал покатать его на водяном банане, женщина под зонтом зачитывала вслух меню скучающему спутнику, дальше кто-то смеялся в воде.

Уходили вдаль и растворялись события последнего месяца: неурядицы с Советом, занятия магией с двумя такими разными, но в чём-то одинаковыми юношами, и цепочка ритуальных убийств. Её начало сладко качать на волнах дремы.

Но тут на кожу упала холодная капля.

Кара открыла глаза.

Лиза нависала над ней с запотевшей бутылкой воды, не стеклянной, а пластиковой: на пляже стекло запрещалось.

— Жива?

— Ты же не слепая, мать. Чего тебе?

— Ты лежишь целых семь минут и молчишь.

— Я отдыхаю.

Лиза посмотрела на Майю.

— Ты слышала? Запиши дату.

Кара села и забрала бутылку. Пластик был холодным, по нему стекала вода. За полосой лежаков море сияло так ярко, что приходилось щуриться.

— Пойдём ещё раз? — спросила она.

— Мы только вышли.

— Значит, высохнуть не успели.

Они побежали через гальку. На третьем шаге Лиза вскрикнула, на четвёртом Кара тоже запнулась. Волна ушла, оставив перед ними мокрые камни. Они догнали её по колено, потом следующая ударила в живот, и Лиза вцепилась Каре в плечо.

— Ой, холодная!

— А ночью была теплынь. Но не купаться же только в ночи?

— Когда так холодно, невольно задумаешься о таком...

Они нырнули почти одновременно. Соль попала в рот. Волосы закрыли Каре лицо, вода на миг стала зелёной и плотной вокруг тела. Никакой магии. Никакого чужого отклика. Просто море.

Это понравилось ей больше всего.

Кара легла на воду. Получилось плохо: волна сразу подняла одну ногу, в ухо набралась вода, а Лиза решила, что подруга тонет, и схватила её за локоть.

— Я хотела поплавать на спине!

— А выглядела странно, как будто утопленница.

— Ты весь день меня хоронишь.

— Считай это моим отдыхом.

Кара попробовала снова. На этот раз Лиза удержалась и не спасла её. Вода поддерживала спину неровно, солнце било сквозь закрытые веки красным светом. Шум берега то приближался, то уходил вместе с волной.

До поездки Кара представляла, что первая поездка на море непременно должна что-то изменить в её жизни. Сделать её легче, свободнее, смыть жуткое послевкусие ритуала. Море не собиралось потакать её мечтам. Оно солило губы, брызгало в глаза и набиралось в уши.

Кара перевернулась и поплыла к берегу.

На мелководе Лиза наступила на круглый камень и схватилась за неё. Они выбрались, держась друг за друга, дошли до лежаков и рухнули на полотенца мокрыми, хотя рядом висела табличка с просьбой пользоваться душем.

— Погляди, я правильно лежу? Достаточно жива, на твой взгляд? — спросила лениво Кара. Придумывать что-то смешнее ей было лень.

— Ой всё.

Майя бросила им по ещё одному полотенцу, не прерывая голосового сообщения флористу.

Стоило Каре задремать, как Лиза рядом воскликнула:

— Только погляди, кто там!

Кара лениво приоткрыла глаз, но от увиденного распахнула оба в изумлении. Поодаль у ограждения отельного пляжа шла перебранка.

Сотрудник пляжа стоял, широко расставив ноги, словно защищал границу государства. Напротив него был Максим.

Теперь Кара видела лицо и могла не убеждать себя в совпадении.

Он держал под мышкой свёрнутую циновку, в другой руке на сгибе локтя лежал арбуз. Из кармана шорт торчала рукоять складного ножа. Длинные чёрные волосы были собраны в низкий хвост; выбившиеся пряди прилипли к шее.

— У вас браслета нет, — повторил сотрудник повышенным тоном.

— Да-да, — успокаивающим тоном говорил ему Максим. — Я очень переживаю.

— Пляж только для гостей Белого Мыса.

— Я собственно как раз к гостям.

— Пусть ваши гости подойдут к ограждению.

Максим посмотрел сквозь весь пляж прямо на Кару. От его взгляда захватило дух. Улыбка на его губах появилась не сразу. Сначала он убедился, что она его видит.

— Иди к нему! — воскликнула Лиза и легонько толкнула Кару. — Потом расскажешь, чего он тут забыл. Иди-иди, мы тут с Майей потусим.

Кара послушно пошла по пляжу. Когда она подошла к ограждению, охранник посмотрел на неё беспомощным взглядом.

— Это ваш гость? — спросил он у неё.

Кара скрестила руки.

— Возможно. Так это второй арбуз подряд?

— Первый был пропуском к тебе, — ответил Максим.

— Не сработал.

— Я переоценил значение фруктов в гостиничном бизнесе.

Сотрудник выдохнул через нос.

— За ограждение, пожалуйста.

— А если я съем арбуз здесь?

— За ограждением.

— Разумно. Нож всё-таки.

Он не сопротивлялся. Перешёл обратно на обычную гальку, расстелил циновку в двух шагах от границы и сел. Ограждение доходило ему примерно до колена, но сотрудник счёл порядок восстановленным и ушёл.

Максим раскрыл нож. Арбуз треснул под лезвием с сухим звуком.

— Будете? — спросил он вслед охраннику.

Тот не обернулся и ускорил шаг.

Кара смотрела на Макса поверх ограждения.

Он приехал сюда сам вслед за ними. Его никто не просил об этом, а он никого не предупреждал. Просто добрался до моря со своим рюкзаком, циновкой и вторым арбузом.

— Так это был ты на платформе, — сказала она, сужая глаза.

— Очень возможно.

— И спрятался от меня.

— Меня заслонили три чемодана и канарейка.

— Мог бы и подойти.

Максим вытер нож о салфетку.

— Мог.

— Но не подошёл?

— Ты увидела море.

Кара нахмурилась.

— И?

— И смотрела не на меня.

Он сказал это без обиды. Скорее с редким для него признанием, что не всякая сцена обязана принадлежать ему. Но от его слов отчего-то защемило сердце.

Кара посмотрела на циновку. Она была выцветшая, с песком в складках, хотя пляж вокруг состоял из гальки. Рюкзак Макса лежал вместо подушки, на боковом кармане сохла нитка морской травы.

— Как ты узнал номер комнаты? — спросила она.

— Я знал фамилию.

— Сотрудник принёс арбуз прямо в номер.

— Значит, в отеле известны номера постояльцев. Надо же.

— Ты сказал, что мы ждём доставку.

— Я надеялся. И вообще, кто на Чёрном море не мечтает об арбузе поздним вечером?

Простая реплика прозвучала хуже любой двусмысленности. Максим опустил взгляд к арбузу и вырезал первый длинный ломоть.

— Сердцевину оставлю себе, — сказал он уже обычным голосом.

— Приятного аппетита, смотри не подавись.

— Могу поделиться за гостиничный браслет.

Кара обернулась и кинула взгляд на идеальный лежак. На белый зонт. На бутылку, возле которой персонал уже положил новую салфетку. Лиза сидела лицом к Майе, они оживлённо о чём-то болтали.

Кара перешагнула ограждение и вышла за пределы обитаемой зоны.

Максим подвинул циновку, освобождая место.

Кара села рядом. Их колени столкнулись.

Он протянул ей кусок из самой середины.

— Без сделки? — спросила она.

— Я сегодня щедрый.

Кара положила полотенце поперёк колен. Охранник всё ещё стоял неподалёку и делал вид, что смотрит на море.

— Ты надолго? — спросила Кара.

— Не знаю.

Ответ оказался ожидаемым и всё равно задел.

Максим увидел.

— До конца лета могу, — добавил он. — Если не понадобится уехать раньше.

— Очень точный план.

— Ты спросила, я ответил.

— Ответ «не знаю» можно было прислать из Москвы.

Он вонзил нож в корку, отделяя ещё один ломоть.

— Из Москвы я не увидел бы твою реакцию на море.

Кара перестала поправлять полотенце.

Максим говорил просто. Без улыбки, без привычного обещания загадки за следующим поворотом.

— Увидел, — сказала она. — Дальше что?

— Жуём арбуз.

— А после арбуза?

— Посмотрим.

Это снова был он: близко сейчас, без права рассчитывать на завтра. Кара могла встать и вернуться на лежак. Максим не перегораживал дорогу и не торопился помочь ей с выбором.

Она взяла дольку арбуза и откусила. Сок потёк по подбородку. На вкус он был божественный, словно прессованный нектар.

— Соль есть?

Максим посмотрел на неё.

— Ты солишь арбуз?

— Уже жалеешь, что приехал?

— Я пытаюсь понять масштаб бедствия.

— Соль.

Он достал из рюкзака маленькую мятую солонку.

Кара рассмеялась.

— Ты носишь её с собой?

— Я был готов к худшему.

— И всё равно приехал.

Они ели молча. Арбуз был тёплым снаружи и холодным в середине. Сок стекал по пальцам, галка давила через тонкую циновку. По другую сторону ограждения официант менял пустые бутылки на полные.

— Как Касик? — спросил Максим.

— Захватил собачью лежанку.

— Хорошо устроился.

— Учился у тебя.

— Я бы выбрал кровать.

— Тебя бы выгнали за отсутствие браслета.

Максим рассмеялся. Кара заметила маленький светлый шрам у него под подбородком, которого не помнила в Москве. Спросить хотелось, но она не стала. У них было целое лето или один арбуз. Пока неизвестно.

Максим повернул крышечку солонки пальцами и отдал ей.

— Я уже здесь, смиришься.

Майя и Лиза продержались четыре минуты.

Потом появились, неся гостиничный поднос с четырьмя стеклянными бутылками и сложным выражением лиц.

— Чужая еда, как известно, вкуснее, — сказала Лиза.

— Присоединяйтесь, тут всем рады, — ответил Максим.

Майя поставила поднос на циновку. Он занял почти всё свободное место. Юноша ей улыбнулся.

— Максим, — представился он.

— Майя. Вы не тот ли самый?..

— Я знаменит, получается? Хотя, смотря что рассказывали.

— Тогда точно тот.

Лиза села напротив и забрала самый большой кусок. Максим посмотрел на неё с уважением.

— Лизавета, я надеялся, что Дом Солнца учит скромности.

— Ну, ты бывал там редко.

— Я приезжал всегда, когда хотел.

Кара посыпала арбуз солью. Максим смотрел на её руку, а не на еду. На запястье под браслетом виднелся край метки.

— Как доехал? — спросила она.

— Поездом.

— Это мы уже поняли.

— Замечательно доехал, лучше не бывает. С ветерком, с огоньком.

— А где ты поселился?

— В кемпинге. Его держит классный парень, зовут его Стас. При случае вас тоже обязательно познакомлю. В кемпинге палатки, норовистый душ и масса комаров. Я очень доволен.

Лиза открыла бутылку.

— То есть жить в гостинице ты не хотел бы.

— А мог бы?

— Уже нет.

Максим посмотрел на Кару.

Она ничего не объяснила. Он тоже спрашивать не стал.

Майя спросила о кемпинге. Выяснилось, что Стас также держит сапы, лодку и старый, точнее винтажный автомобиль.

Лиза потянулась за бутылкой и задела поднос. Стекло звякнуло. Максим придержал край, Майя поймала солонку, Кара спасла арбуз. Лиза осталась с пустыми руками.

— Я всё контролировала, — сказала она.

— Оно и видно, — ответил Максим.

— В Доме Солнца тебя за это не любили?

— В Доме Солнца меня не любили комплексно.

Лиза улыбнулась, но сразу спрятала улыбку в бутылке. Кара заметила. Решила, что это обычная Лизина доброта: она умела найти человеческое даже в Максиме, что требовало отдельного дара.

— А работа? — спросила Майя. — У тебя есть работа?

— Иногда.

— Очень успокаивает.

— Я чиню вещи, которые другие предпочитают не замечать.

— Фонари?

— В том числе.

Он не стал рассказывать о серых ночных маршрутах, зеркалах и людях, потерявших дар. Майя не настаивала. Курортная версия Максима пока помещалась в рюкзак и кемпинг Стаса.

— А ты почему приехала? — спросила Майя у Кары.

— Лиза настояла.

— Я предложила, — возразила Лиза.

— Купила билеты, забронировала номер и прислала список вещей.

— Это было дружеское предложение с инфраструктурой.

Майя подняла бутылку.

— За инфраструктуру.

Они чокнулись бутылками, стекла гулко дзынькнули. Максим протянул пластиковый стакан, найденный в рюкзаке. Лиза посмотрела на мутное дно.

— Ты его хоть мыл?

— Ополоснул в море.

— Мде.

Кара тихо фыркнула. Максим белозубо улыбнулся ей поверх арбузной корки.

Лиза закатила глаза. Майя уже записывала адрес кемпинга: им с Никитой мог понадобиться запасной генератор для свадьбы.

— Завтра покажу вам нормальный пляж, — сказал Максим.

— А этот чем тебе не нравится? — спросила Лиза.

— Здесь всё как по струнке ходят, купаются в рядок.

— Зато порядок, чисто и приятно.

— А охранник следит, как вы едите арбуз, хотя вы уже даже не там.

Охранник действительно следил.

— Когда? — спросила Кара.

Максим тут же отозвался:

— В десять тридцать у шаттла. Я буду в десять тридцать одну.

— Почему?

— Чтобы ты успела подумать, что я не пришёл, но не успела уйти.

— Очень смешно.

— Мне да.

Они не разошлись после арбуза.

Максим ушёл купаться с Майей. Лиза осталась на циновке и, поглядывая на море, зачитывала вслух новые сообщения из свадебного чата. Кара сначала слушала, потом пошла в воду сама.

Максим не поплыл к ней сразу. Он спорил с Майей у буйка, исчезал под волной, снова появлялся.

Она проплыла вдоль берега, вернулась и легла на мелководе. Волна засыпала галькой край купальника. Максим сел рядом только тогда, когда Кара открыла глаза.

— Ты приехал один? — спросила она.

— Со мной ехали сорок семь человек в вагоне.

— Максим, я серьёзно. Не уходи от ответа.

Он перестал улыбаться и провёл ладонью по мокрым волосам.

— Один. Никого из наших со мной нет.

— Валерия знает?

— Теперь уже знает. Я написал ей, что доехал нормально, но разрешения на отпуск не спрашивал.

— У вас летом затишье с делами?

— Не думай, что если ты столкнулась сразу и с нашим секретным миром, и с чередой ритуальных убийств, то у нас здесь такое привычно и бывает чуть ли не каждый день.

Кара подняла горсть мокрой гальки и высыпала ему на колено.

— Эй, я серьёзно!

— Я тоже! — Кара высыпала на его колено ещё несколько камней. — Ты только что опять ответил на всё, кроме вопроса.

Максим поймал один камешек прежде, чем тот скатился в воду.

— У меня неофициальная работа, и я не обязан спрашивать разрешения, если хочу уехать. Но если случится что-то серьёзное, Валерия позвонит.

Он стряхнул камни, один оставил на ладони.

— Но если ты понадобишься Валерии, то уедешь?

— Да, — ответил он уже без шутки. — Не потому, что она командует мной. Есть вещи, которые мы не бросаем друг на друга.

— А предупредишь?

Максим посмотрел на неё, и Кара поняла, что спросила не о работе. Отчего-то её лицо загорелось.

— Скажу, — ответил он. — Если тебе это важно.

Это было меньше, чем обещание остаться, и больше, чем она ожидала услышать. Кара забрала камень с его ладони и бросила на воду.

— Плохо прыгает.

— Ты бросила под волну.

— Упрямый камень.

— Требовательная женщина.

Кара встала и пошла к циновке. Максим догнал не сразу.

Вечерело.

Солнце стало ниже, но галька всё ещё держала жар. Майя ушла на минутку ответить на важный звонок по меню банкета и вернулась спустя час. Лизе тем временем удалось подружиться с охранником и выслушать несколько историй о самых интересных нарушениях постояльцев.

Кара дважды возвращалась на гостиничный лежак за вещами. Оба раза могла остаться. На третий перенесла к циновке пляжную сумку целиком.

Максим ничего не сказал. Подвинул рюкзак и оставил ей сухой край.

Кара легла на живот. Сквозь циновку чувствовалась каждая неровность, зато отсюда море было как на ладони: между водой и ними не стояли зонты, официанты и ровный ряд лежаков.

— Ребят, давайте фотаться, — сказала Лиза, подбегая с телефоном. — Пошлём нашим в Москве. Поле твоей.

— Поля решит, что мы тут дикарями, — ответила Кара, всплескивая руками.

Кара забрала у Лизы телефон и вытянула руку, пытаясь поймать в кадр всех сразу и море тоже. Максим лежал на боку, подперев голову; хвост почти распустился, чёрные пряди падали на лицо и лезли в объектив.

— Поправь волосы.

— Ты ничего не понимаешь, это художественный беспорядок!

— И корку убери.

— Беспорядок же!

Кара пнула его ногой. Максим, сдаваясь, выкинул пустую корку и прошёлся пятерней по волосам. Лучше стало, но ненамного.

Первый кадр получился кривым: горизонт завалился, а половину моря занял локоть Максима. На втором Лиза прошла с подносом за их спинами и посмотрела прямо в объектив. На третьем палец Кары сполз и закрыл глазок объектива.

— У вас талант, конвергент, — сказал Максим.

— Ты мешаешь и шевелишься туда-сюда!

— Я неподвижен как скала, как статуя, как твой яростный взгляд сейчас.

— Хватит мне перечить! Волосы собери.

Он вынул резинку и заново собрал хвост. Кара наблюдала, как длинные пряди скользят через пальцы. Макс поймал её взгляд в чёрном экране телефона.

— Так?

— Терпимо.

— Можешь поправить.

— Размечтался.

— Ты такая жестокая.

Кара подняла телефон. На этот раз кадр получился чистым. Не идеальным: край циновки был в песке, на колене Кары отпечаталась красная полоса, у Максима выбилась одна прядь. Поэтому она оставила именно его.

Она взгляделась в снимок на телефоне. В кадре было море, край арбузной корки, ладонь Максима рядом с её запястьем и чёрная прядь, которую он всё-таки не убрал.

— Пойдёт, — сказала она.

— Выложишь?

— Конечно.

Она отправила фотографию во «ВКонтакте» без каких-либо подписей.

Лиза заглянула через плечо.

— Слушай, а здорово получилось.

Первые реакции появились почти сразу. Поля поставила три огненных значка и написала в личные сообщения восемь вопросов. Денис прислал: «Море настоящее?» Марина отметила, что Кара не намазала запястье кремом.

Появилась реакция с именем Елисея.

Реакция держалась под фотографией несколько секунд. Потом исчезла.

Кара обновила страницу. Ничего.

Кара открыла список просмотров, хотя знала, что не найдёт там ответа. Имя Елисея осталось среди остальных. Значит, он увидел фотографию. Увидел руку Максима рядом с её рукой. Поставил реакцию. Передумал.

Она могла написать: «Что?»

Одно слово. Без признаний и требований.

Палец завис над строкой поиска. Кара представила, как снова будет ждать три точки, потом ответ, потом объяснение, которое Елисей сначала сформулирует для себя и только после промолчит.

Телефон нагрелся в ладони.

— Ты норм? — спросила Лиза.

— Да.

— Хорошо.

Лиза произнесла это слишком быстро. Кара посмотрела на неё, но рядом уже протянулась рука Максима.

— Дай.

— Зачем?

— Там на фотке что-то странное.

Кара чуть не сказала, что уже заметила. Но он увеличил не свою ладонь.

В дальнем краю кадра была видна нижняя лестница отеля. По ней спускалась та самая старейшина лунного конклава — Зинаида. Её отчество Кара забыла. При увеличении лицо ожидаемо расплывалось, зато большое кольцо на руке оставалось жирной чёрной точкой. Под мышкой дама несла узкий металлический футляр.

На ступени за ней ложилась вторая человеческая тень.

Сам человек не попал в кадр. Любопытствуя, она подняла голову, пытаясь в наступивших сумерках рассмотреть, кто же там был.

Фонарь над нижней террасой мигнул и погас.

Глава 4. Сувенир на щиколотке

Свет на нижней лестнице вернулся спустя полминуты.

Костя снова пришёл, вооружённый, проверил лампу и линию до щитка. Напряжение, по его словам, не пропадало. Он пообещал утром заменить фонарь целиком со всеми потрохами и ушёл с оскорблённым видом человека, которого техника не должна подводить никогда.

Кара поделилась с Майей тревогой, и та попробовала дозвониться своей наставнице, но та не ответила. В этом не было ничего необычного: Зинаида, по словам Майи, могла оставить телефон в любом месте и уйти гулять.

Наутро солнце светило так ярко, что про фонарь как-то забылось. Майя ушла по своим предсвадебным делам раньше завтрака и обещала спросить Зинаиду о футляре, когда та появится.

В десять двадцать восемь Кара стояла у остановки гостиничного шаттла.

Лиза сидела на скамейке под навесом, обнимала пляжную сумку и смотрела на неё с неодобрением.

— Мы пришли на двенадцать минут раньше. Могли сидеть и кофе пить. Я бы съела ещё выпечки, она такая вкусная, м-м-м. Пальчики оближешь.

— Как говорила моя бабушка, секунда на языке — годы на бёдрах.

— Мы ж с тобой тощие как жерди, можем лопать сколько влезет.

— Не хочу заводить опасную привычку.

— Ты зануда.

Некоторое время помолчали. Солнце палило нещадно, и очень хотелось купаться.

— Я всё ещё не понимаю, зачем ехать на другой пляж, — заныла Лиза. — Здесь есть душ. И лежаки. И водичка такая чистая.

— Хочу увидеть разное побережье, — пожала плечами Кара.

— Ладно. Один раз разочаруешься и больше отсюда ни ногой.

Ровно в десять тридцать одну из-за поворота вышел Максим.

Он нёс рюкзак и свёрнутое полотенце. Волосы сегодня были собраны выше, чтобы не липли к шее; хвост качался между лопатками при каждом шаге.

— Что-то ты рано, — насмешливо сказала Кара.

— Могу отойти и вернуться. Как в школе говорят? «Выйди и зайди нормально»?

— Поздно, мы тебя уже видели.

— Что же, тогда придётся остаться. А то вам не понравится, если я применю лунные штучки.

Он остановился перед ними, сияя беззаботной улыбкой. Каре невольно пришло на ум, что явно не тому юноше стоило быть солнечным.

— Вы готовы увидеть настоящее море?

— А наше поддельное, что ли?

— Ваше укрощённое, а это не то.

— Море цельное и неделимое.

— Недоказуемо.

Лиза прижала сумку крепче.

— Я не поеду туда, где туалет платный.

— Там бесплатный.

— Значит, страшный.

— Лизавета, если вы останетесь, придётся весь день обсуждать ленты и торты.
Веснушчатое лицо девушки исказилось в притворном ужасе:

— Это шантаж.

— Ты с нами? Главное, что сработало.

Кара улыбнулась и пошла к подошедшему шаттлу. Гостиничное полотенце было свёрнуто у неё под мышкой.

Максим посмотрел на вышитую эмблему.

— Уже ворует имущество?

— Оно положено гостям.

— На территории.

— Ну я же верну его.

— Разочарован. Ждал, что в чемодан закинешь.

Лиза прошла между ними и первой заняла место у окна.

— Если её арестуют, я скажу, что предупреждала.

— Вы едете как свидетель.

— Я еду купаться.

Шаттл тронулся. Кара села напротив Максима. Он посмотрел на неё так, словно хотел сказать ей что-то крайне важное, но затем отвернулся к окну.

В салоне кроме них ехала семья с двумя детьми, пожилая пара в одинаковых панамах и женщина, которая всю дорогу держала перед собой надутый круг. На каждом повороте круг закрывал Максима целиком, потом открывал снова.

— Чем городской пляж лучше? — спросила Кара.

— Я не говорил, что он «лучше».

— Ты сказал, что он типа «настоящий».

Надувной круг снова закрыл Максима. Из-за него донеслось:

— Там никто не принесёт тебе полотенце.

— Это недостаток. И воды не подадут?

— И фамилия твоя никому не известна.

Лиза оторвалась от карты.

— И где плюсы?

Максим смотрел на Кару. Она поняла, что в «Белом мысе» уже знали Ланских, Воронцову, местный конклав готовился к их приезду. Им было известно о её метке под браслетом, которая разрешала ей существовать и даже колдовать. А на городском пляже она могла быть никем, обычной девушкой с гостиничным полотенцем.

— Убедил, — сказала Кара.

— Тебя я не убеждал.

— Тем более.

Шаттл остановился у очередного отеля. Круг закрыл лукавую улыбку лунного мага.

На городском пляже никто не следил, как люди едят арбуз.

За остальным следить было невозможно.

Музыка шла сразу из трёх мест и не совпадала. Между полотенцами оставались проходы шириной в одну детскую ступню. Продавец кукурузы кричал громче объявлений из динамика, дети таскали воду в красных ведёрках и выливали её на чужие ноги.

— Вот, — сказал Максим. — Жизнь бьёт ключом.

— Главное, чтобы не по голове.

Лиза посмотрела на мальчика, который закапывал пластиковую машинку рядом с её сумкой.

— Вокруг сплошные преступники. Вон, улики скрывают.

Свободное место нашлось у самой воды. Кара расстелила украденное полотенце, а ветер сразу завернул один край. Максим положил на него рюкзак, на другой сел сам.

— Так мы все не поместимся, — сказала Лиза.

— Нужно было планировать ограбление классом повыше и тырить два полотенца. Впрочем, я готов держать край собственной персоной.

— Ты такой благородный. Можно в тебя ткнуть чем-то острым? Хочется увидеть голубую кровь.

Они всё-таки поместились. Колени, сумки и чужой надувной круг заняли остальное.

Лиза достала крем и заставила Кару повернуться спиной.

— Я уже намазалась в номере.

— Это было давно.

— Он сохраняет свойства до трёх часов!

— Кара, не спорь со мной.

Холодная полоса легла между лопаток. Кара вздрогнула.

— Предупреждать надо.

— Я держала флакон у тебя перед лицом.

Максим протянул руку.

— Давай помогу.

— Нет, — одновременно сказали Кара и Лиза.

Он поднял ладони.

— Семейный пляж. Понял.

Лиза размазала крем с сосредоточенностью врача. Потом повернулась к Максиму:

— Теперь ты.

— Я же лунный. Мы не загораем.

— Ага. Только ты уже красный.

Максим попытался посмотреть на собственное плечо, не смог и сдался. Лиза бросила ему флакон. Кара легла на живот и спрятала улыбку в полотенце.

Лиза отняла у Максима крем, потому что тот пропустил плечо, он попытался возразить и получил флаконом по колену. Кара фыркнула.

Но долго на месте сидеть им не удалось. Буквально через несколько минут, когда Кара уже начала дремать, Максим поднялся. Полотенце тут же завернулось.

— Вода. Киоск с синей крышей.

Он показал на дальний ряд.

— Там очередь, — сказала Кара.

— Значит, вернусь через семь минут.

— Почему семь?

— Восемь звучит как обещание.

— Это оно и есть.

Максим посмотрел на неё. Потом кивнул.

— Через восемь.

Он ушёл.

Кара видела, как он пересёк пляж, обогнул женщину с коляской и действительно подошёл к синему киоску. Не растворился между людьми. Не свернул по дороге в другую жизнь. Вскоре он вернулся с тремя бутылками и чипсами.

— Десять, — сказала Кара.

— Мужчина передо мной выбирал между газированной и негазированной. Он пил негазированную, но хотел холодную, а в холодильнике стояла только газированная.

— И чем закончилась эта драма века?

— Тем, что я пришёл через десять минут, а не через восемь.

Он отдал ей холодную бутылку.

Продавец кукурузы дошёл до их полотенца и остановился прямо перед Лизой.

— С солью, без соли, с маслом! Вкуснее не попробуете.

— А салфетки у вас есть? — спросила Лиза.

У того всё нашлось, и Максим купил три початка на всю компанию.

— Я не просила, — сказала Лиза.

— Поэтому тебе без масла. А Кара у нас любит соль.

Кара села, подтянув колени. Горячие зёрна лопались под зубами, соль оставалась на губах. Перед ними женщина учила девочку держаться на воде, подхватывая под живот. За спиной объявляли прогулку на катере. Чужой мяч несколько раз падал рядом, и мальчик всякий раз извинялся всё менее убедительно.

— А где именно ваш кемпинг? — спросила Лиза у Максима.

— Сегодня?

— Уже плохое начало.

— Да там, дальше по берегу.

— А адрес есть?

— У берега?

— У лагеря вашего.

Максим назвал кемпинг и показал точку на телефоне. Лиза приблизила карту, проверила отзывы и вернула аппарат.

— Две звезды за душ.

— Я хожу в море.

— Это негигиенично.

— Всё, что правильно, то скучно.

Лиза посмотрела на него, закатив глаза.

Максим засмеялся. Кукурузное зерно осталось у него у уголка рта.

— У тебя здесь, — сказала Кара и показала на свою щёку.

Он вытер другую.

— Нет, с этой стороны. Да господи.

Максим наконец стёр зерно и посмотрел на её рот, будто проверял, не осталось ли там такого же.

Кара отпила воды. Бутылка была слишком холодной; зубы свело.

Некстати подумала, что Елисей мог написать, сколько времени ему нужно. Хотя бы приблизительно. Хотя бы восемь минут вместо пустоты.

Кара открутила крышку сильнее, чем требовалось.

— В море, — сказала она.

— Это приказ? — спросил Максим.

— Это способ не слушать тебя.

Они побежали к воде. Галька была горячей. Максим предложил соревнование: кто дольше простоит без обуви. Кара согласилась и через две секунды поняла, что победа не стоит кожи на ступнях.

Они прыгали с камня на камень, отказываясь сдаться. Рядом мальчик лет семи спокойно стоял босиком и ел мороженое.

— Он читерит, — сказал Максим.

— У него местный дар.

Мальчик посмотрел на них без уважения.

Кара первой сорвалась к воде. Максим догнал, когда волна ударила им по коленям. Он плеснул в неё. Кара ответила обеими руками. Через минуту его длинные волосы выбились из резинки и облепили ему лицо.

— Очень красиво, — сказала она.

— Завидуешь.

— Было бы чему.

Максим убрал пряди назад. Вода стекала по шее и плечам. Кара смотрела на секунду дольше, чем собиралась, и нырнула.

Под водой шум пляжа исчез. Остались пузырьки, холод и рассеянный свет. Максим проплыл рядом, не касаясь её. Они вынырнули одновременно.

— Нормальное? — спросил он.

— То же самое море.

— Ты говоришь правильно, но бессердечно.

— Зато честно.

Следующая волна подняла их и отнесла ближе к берегу. Кару накрыло с головой, а Максим поймал равновесие первым.

— Ты вчера выложила фотографию для него? — спросил он будничным тоном.

Кара сразу поняла, кого он имеет в виду.

— Для всех своих подписчиков.

— Хороший ответ. Тоже честный?

— Да, ведь я не вру.

— Такая серьёзная.

Он ушёл под воду прежде, чем она придумала ответ. Кара осталась стоять по грудь, раздражённая тем, что он задал вопрос, и ещё сильнее — тем, что не стал добиваться продолжения.

Максим вынырнул дальше, собрал волосы обеими руками и снова затянул резинку. Получилось криво. Хвост лёг на одно плечо тяжёлой чёрной полосой.

— Дай, — сказала Кара.

Он подошёл и повернулся спиной.

Кара распустила узел. Мокрые пряди скользнули между пальцами. Она собрала их ниже, стянула резинкой и сразу убрала руки.

— Теперь красиво, — сказала она.

Максим обернулся.

— А было?

— А было некрасиво.

Он улыбнулся, но не коснулся её.

Лиза стояла на берегу и махала им, потому что ей хотелось окунуться, а оставлять вещи без присмотра было боязно.

Рынок начинался сразу за пляжем.

Под навесами висели платья, полотенца, на стендах были разложены ракушки, очки и украшения, которые обещали вечную любовь за двести рублей. Лиза остановилась у серёг с синими камнями и немедленно начала торговаться.

— Четыреста, — сказал продавец.

— Двести.

— Триста пятьдесят.

- Они кривые.
- Ручная работа.
- Только руки были кривые.

Кара отошла к соседнему лотку. В плетёной корзине лежали шнурки с маленькими стеклянными бусинами. Красные, белые, зелёные. Один был чёрным, с почти прозрачной тёмной бусиной.

- Оберег, — сказала продавщица, обмахиваясь веером.
- От чего?
- От дурного глаза.

Кара посмотрела на ценник.

- За сто пятьдесят рублей? Он хоть работает?

Продавщица пожала плечами.

- Конечно. Всем нравится.

Кара купила шнурок.

Он не был магическим. Метка молчала, стекло оставалось стеклом. Именно поэтому вещь понравилась.

Продавщица завернула покупку в маленький бумажный пакетик и положила туда карточку: «Носить до исполнения желания».

Кара прочитала и вернула карточку.

- И желание исполнит, и от глаза защитит? Какая функциональная вещица.
- Желание бесплатно и отдельно.
- Тогда ещё более подозрительно.

Продавщица усмехнулась и забрала карточку обратно в корзину.

Сзади незаметно подошёл Максим и выхватил у неё шнурок.

- Желание не стала загадывать?
- Пожелала спокойного отдыха.
- Тоже желание. На руку?
- Там занято.

Кара подняла ногу и поставила ступню на низкую перекладину лотка.

- Завяжешь?

Максим присел перед ней, обернул шнурок вокруг щиколотки и затянул два узла.

Его пальцы были прохладными после бутылки с водой. Кара почувствовала короткое касание у внутренней стороны ноги и сильнее упёрлась ладонью в стойку.

- Не туго? — спросил он.

Она проверила.

- Нормально.

Максим отпустил шнурок и поднялся.

- С вас сто пятьдесят за работу.
- Тебе уже заплатили видом моей ноги.
- Почему у меня ощущение, что я должен сдачи?

Лиза подошла с серьгами.

- Триста, — сообщила она.
- Ты его ободрала как липку, — сказала Кара.
- Вряд ли. На маркетплейсе такие за сто найду, наверное.
- Почему не снизила больше?
- Макс вмешался. У продавца появилось чувство мужской солидарности.
- Я молчал!
- Ага, конечно.

Они вышли с рынка и увидели, как шаттл отъезжает от остановки.

Лиза побежала следом, размахивая пакетом. Водитель не заметил или решил не останавливаться.

— Последний, — сказала она, вернувшись. — Это был последний шаттл до отеля!

Максим посмотрел на время.

— Сейчас всё решим.

— Если ты предложишь идти пешком, я вернусь на рынок и продам тебя.

— Такого на маркетплейсе не найти.

Он набрал номер.

Стас приехал через двадцать минут на автомобиле без крыши.

Когда-то машина, вероятно, была белой. Теперь она была цвета пыли, соли и ремонтов. К задней дуге привязали огромного розового фламинго, который лежал поперёк багажника и смотрел на дорогу чёрным нарисованным глазом.

— Нет, — выпалила Лиза.

— Это Стас, — сказал Максим одновременно.

— Я про машину.

Водитель высунулся через открытую дверь. Крепкий, выгоревший, в старых коралловых тапках, лет на десять их постарше. На шее у него висел свисток.

— Машина тоже Стас, — сказал он. — Привет, детишки. Садитесь, пока она не передумала.

— Почему там фламинго?

— Так машину опознаю.

— Именно этого я и боялась.

Стас выбрался из машины и проверил верёвки на багажнике. Двигался он быстро, но не суетливо. Сначала затянул крепление фламинго, потом посмотрел, сколько у них сумок, и только после открыл заднюю дверь.

— Трое, — сказал он.

— Мы умеем считать, — отозвалась Лиза.

Стас дёрнул один из задних ремней. Тот вытянулся всего на ладонь и застрял.

— Тогда знаете, что ремней два.

— Это незаконно.

— Фламинго пристёгнут.

— Это ухудшает ситуацию.

Стас забрал у неё пляжную сумку и закрепил под сиденьем коротким тросом.

— В лодке тоже так споришь? — спросил Максим.

— В лодке люди сначала надевают жилеты. Потом получают право быть неправыми.

На плече Стаса белел старый рваный шрам. Кара отметила это и села.

Лиза села вперёд и сразу потребовала ехать по главной дороге. Стас сказал, что главная стоит. Лиза открыла карту. Спор начался до того, как Кара устроилась сзади.

Места было мало. Максим сел рядом, колено к колену. На первом повороте машину качнуло, Кара схватилась за металлический край. На втором пришлось схватить Макса за плечо.

— Можешь держаться крепче, — сказал он.

— Могу столкнуть тебя наружу.

— Тоже близость.

Дорога пошла вверх. Ветер бил в лицо, мокрые после моря волосы Кары путались. Максим придерживал свой хвост одной рукой; второй на резком повороте поймал её колено, не дав удариться о борт. Ладонь задержалась ровно до прямого участка и ушла.

Кара продолжала держаться за него.

Справа между домами открылось море. С высоты оно снова стало незнакомым: не водой, в которую они входили, а огромной синей поверхностью, разрезанной белым следом катера. Ни конца, ни края Кара по-прежнему не видела. Утром это казалось обещанием. Сейчас — расстоянием, на котором легко исчезнуть.

Стас сбросил скорость перед слепым поворотом и дважды коротко посигналил.

— Здесь все так ездят? — спросила Лиза.

— Нет. Поэтому я сигналю.

Навстречу выскочил скутер. Водитель увидел машину, дёрнулся к обочине и поднял руку, не решив, извиняется он или ругается.

Стас даже не изменился в лице.

— В сезон море безопаснее дороги, — сказал он.

— Это должно успокаивать?

— Нет. В море хотя бы видно, откуда идёт волна.

Он говорил о нём без восторга Максима и без гостиничной вежливости. Как о работе, которая каждый день меняет условия. На приборной панели лежал старый складной нож, моток тонкой верёвки и свёрнутая карта берега с пятнами воды. Под сиденьем Кара заметила спасательный жилет.

— Вы спасатель? — спросила она.

— Когда платят — инструктор. Когда не платят — человек, которому потом задают вопросы.

— Свисток поэтому?

Стас коснулся его пальцами.

— Потому что голос жалко.

Максим наклонился к Каре, чтобы перекричать ветер:

— Он один раз заставил жениха с невестой отменить свадьбу в воде.

— Жених потерял кольцо, — сказал Стас.

— Нашёл?

— Нет. Зато не утонул. Невесте пришлось выбрать, что важнее.

— И что она выбрала? — спросила Лиза.

— Новое кольцо.

Кара посмотрела на чёрный шнурок у своей щиколотки. Он высох и потемнел ещё сильнее. Никакого обещания. Два узла, стеклянная бусина, сто пятьдесят рублей. Надёжный масштаб для вещи, купленной у моря.

Впереди Лиза доказывала Стасу, что навигатор показывает экономию четырёх минут.

— Навигатор не знает, где копают, — отвечал Стас.

— А вы знаете?

— Я вчера там застрял.

— Это не аргумент в вашу пользу.

Фламинго за спиной подпрыгивал на каждой яме.

На последнем повороте верёвка развязалась. Розовая птица медленно поползла к краю, перевалилась и упала на дорогу.

— Потеря! — крикнул Стас.

Максим выскочил ещё до полной остановки. Подхватил фламинго, взвалил на плечо и вернулся, держа его за шею.

Кара смеялась остаток дороги так, что не сразу заметила людей у входа в отель.

Сотрудники направляли гостей к боковой двери. Нижний проход перекрыли стойками с лентой. За стеклом холла стояли двое полицейских.

У ступеней ждала Майя, а лицо у неё было абсолютно белым.

Стас остановил машину. Лиза первой перестала смеяться.

— Что там случилось?

Майя посмотрела на Кару, потом на Максима с фламинго на плече, будто не могла соединить их с тем, что должна сказать.

— С Зинаидой беда. Утонула.

Кара вспомнила чёрное кольцо, прохладный воздух над чужой царапиной и металлический футляр на фотографии.

Смех оборвался не сразу. Ещё оставался в груди, мешал вдохнуть правильно. Максим медленно опустил фламинго на заднее сиденье. Розовая голова легла боком и продолжала улыбаться.

— Ты её видела? — спросила Лиза.

Майя кивнула.

— Я была здесь, когда нашли.

Кара посмотрела на её руки. Вчера на ладони оставалась тонкая красная царапина, боль из которой сняла Зинаида. Теперь Майя снова и снова проводила по тому месту большим пальцем.

— Где?

— Здесь. На нижней террасе.

— Но там нет воды.

— Утонула, — повторила Майя. — Только моря рядом с ней не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.